

УДК 908.334.716 (470.620) «19»

Чупрынников Сергей Алексеевич

доктор исторических наук, профессор кафедры
политологии и права Кубанского
Государственного технологического университета
malena1984@mail.ru

**ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ
УКРЕПЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
В СССР В 1930-е гг.**

В статье анализируются партийно-правительственные постановления по укреплению трудовой дисциплины в начальный период 1930-х гг. Дается оценка их практической значимости в борьбе с прогулами в условиях советской мобилизационной экономики.

Ключевые слова: постановление, прогул, дисциплина, режим, мобилизационная экономика, ценностные ориентации.

В ноябре 1932 г. в СССР на уровне высших партийных и правительственных структур были приняты и утверждены два довольно жестких, но прагматичных документа, которые сегодня либеральной общественностью и либеральным научным сообществом с надрином определяются как яркие, крайние проявления «бесчеловечного» тоталитарного, советского, сталинского режима. Однако если их рассматривать, не выдергивая из конкретного исторического контекста, то они не представляются такими уж и «бесчеловечными». В русле начавшейся кампании «десталинизации» их будет уместно вспомнить и оценить.

11 ноября 1932 г. за № 36 Наркомтрудом РСФСР было утверждено Положение «о табельном контроле явки на работу». Его положения предвосхищали Постановление СНК СССР ЦК ВКП(б). Прорекларированная цель – контроль и учет своевременности явки на работу и своевременности ухода с работы была прописана до деталей. Приведем некоторые его положения:

2. Работник сам обязан отметить свой приход и уход посредством условного действия своим номером. Под номером понимается жетон, ярлык или карточка; под отметкой – условная операция, которую работник производит своим номером.

3. Отметка производится одним из следующих способов:

- отметка на карточке времени явки и ухода с работы при помощи контрольных часов;
- навешивание (вставка) номера при приходе, снятие при уходе (номер на руках у рабочего на время работы);

Chuprynnikov Sergey Alekseevich

Doctor of History, Professor of the Department
Political Science and Law of
Kuban State Technological University
malena1984@mail.ru

**PARTY AND GOVERNMENTAL
RESOLUTIONS REGARDING
REINFORCEMENT OF LABOUR
DISCIPLINE IN THE USSR IN 1930s**

The article reviews the analysis of party and governmental resolutions regarding reinforcement of labour discipline at the beginning of 1930s. The assessment of their practical significance in the efforts to fight absence from work under the conditions of economic mobilization is given.

Key words: resolution, absence from work, discipline, regime, mobilization economy, system of values.

– номер перевешивается с одной доски на другую при приходе и уходе (на руках у рабочего никогда не находится).

Последний способ наиболее целесообразный, так как устраняет возможность потери номера работниками.

5. Вход на территорию предприятия – только по пропускам, на которых обозначена сменогруппа. У входящих вовремя пропуск только предъявляется, у входящих позже пропуск при входе отбирается и выдается обратно при выходе только по записке табельщика. Выход с территории предприятия в часы, когда табельная доска закрыта, допускается только по предъявлении соответствующих записок, подписанных табельщиком.

6. Отметка ухода на обеденный перерыв и приход после него вводится только при условии, если перерыв предоставляется одновременно всем работающим и использование его связано с массовым выходом работающих за пределы территории предприятия.

8. Табельная доска открывается для отметок явок о приходе за полчаса до начала смены и закрывается через пять минут после начала её. Вновь открывается за пять минут до окончания смены и закрывается через полчаса после окончания.

10. Немедленно после закрытия доски в начале смены табельщик списывает номера неявившихся, а в конце смены номера не отметивших свой уход. Последние считаются ушедшими с работы до её окончания и с них не позднее следующего дня должны быть затребованы объяснения по этому поводу.

11. Опоздавшие к отметке явки должны явиться к табельщику. Временем прихода в

данном случае считается момент явки к табельщику и отмечается последним. Допуск опоздавших к работе производится только по разрешению начальника цеха или заменяющего его лица, о чем последние немедленно ставят в известность табельщика, путем передачи ему записки о допуске или не допуске опоздавшего к работе. Никто кроме табельщика не вправе выдавать разрешение на получение отобранного пропуска.

12. Разрешение на выход с территории предприятия до окончания смены дается лицами цеховой и общезаводской администрации, которым это право предоставлено приказом по предприятию, каждое такое разрешение должно предоставляться табельщику, который ставит на нем свою визу или условный штамп.

14. О всяком изменении в личном составе – приеме на работу, переводе в другой цех, в другую сменогруппу, отпуске очередном или по болезни, командировке – стол личного состава немедленно извещает табельщика. Вновь принятым пропуск на предприятие не должен выдаваться до того, пока работник не получит у табельщика табельный номер.

17. Работники не явившиеся на работу по невыясненным причинам после трех дней неявки исключаются из списков и снимаются с табельного учета.

18. Один раз в неделю табельщик путем обхода рабочих мест проверяет наличие работников и сличает её с данными табеля. О результатах проверки составляется рапорт начальнику цеха с указанием всех случаев расхождения и их причин: например, рабочий работает, но не отмечен в табеле, так как охрана пропустила его на территорию после закрытия табеля, а пропуск не забрала, или работает новый рабочий, о приеме которого табельщик не извещен.

19. Независимо от табельного контроля, администрация цеха обязана обеспечить систематический надзор со стороны мастеров и бригадиров за соблюдением работающими дисциплины в течение рабочего дня, за своевременным приступом к работе и своевременным оставлением рабочего места к концу смены.

20. По спискам неявившихся и опоздавших цеховая администрация принимает немедленные меры к выяснению причин нарушения и наложения взыскания на лиц в них виновных [1, л. 1-3].

Вслед за этим положением, 15 ноября 1932 г. принимается Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» (опубликовано в газете «Правда» 16 ноября 1932 г.), по которому за

один день неуважительного прогула работник увольнялся с завода или учреждения и одновременно лишался преимуществ, которыми он пользовался, работая на данном предприятии, а именно – он должен был сдать продуктовую и промтоварную карточки (в СССР того времени существовала карточная система обеспечения), а также освободить квартиру (ведомственную).

Исходя из установок Постановления, был разработан и принят Циркуляр СевКавтруда «О мероприятиях по борьбе с неуважительными прогулами» от 8 декабря 1932 г. Вот его некоторые положения:

– Обязать руководителей предприятий и организаций завести точный ежедневный учет невыходов на работу с выяснением причин.

– За один день неявки на работу без уважительных причин администрация обязана уволить прогульщика, немедленно отобрать у него продовольственные и промтоварные карточки, принять меры к выселению его из квартиры (если ведомственная)

– В трудовые книжки заносить истинные причины увольнения с указанием, что продовольственные и промышленные карточки изъяты такого-то числа.

– При приеме на работу требовать справки с предыдущего места службы за последние шесть месяцев с указанием причин ухода с работы.

– Хозорганам категорически запрещалось принимать на работу лиц, уволенных за прогулы в течение шести месяцев со дня их увольнения.

– Профсоюзы должны разъяснять роль постановления от 15 ноября 1932 г.

– Органы труда (по сути тоже профсоюзы, так как они были влиты в них и являлись их структурным подразделением – **С.Ч.**) обязаны обеспечить выполнение и контроль этого постановления (закона).

– За невыполнение этого постановления, виновных руководителей должны были передавать прокурору для привлечения к уголовной ответственности (это было подтверждено в феврале 1933 г. постановлением Президиума СевКавкрайисполкома по докладу Крайтруда пункт 7: «прокуратуре обеспечить срочное расследование и быстрое прохождение дел в судах о привлечении нарушителей закона по борьбе с прогулами к уголовной ответственности») [2, л. 3].

При спорности уважительности или неуважительности причины прогула (смерть близких, похороны, свадьба, присмотр за детьми, болезнь одного из супругов) вопрос разрешался администрацией, а если нет – то РКК [3, л. 7, 8, 27-28].

На наш взгляд, веские и объективные причины к принятию жесткого Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» были и причем не только чисто идеологического или производственного характера, но и морально-бытового. Приведем пример из архивных материалов того времени. Из доклада «О работе Северо-Кавказской железной дороги и политико-моральном состоянии союзной массы от 9 февраля 1932 г.» *Объяснение составителя поездов ст. Новороссийск т. Постригина о неявке на дежурство: «С 15 декабря на 16 декабря я не мог явиться на дежурство ввиду того, что был пьян. Получил получку и встретился с Коваленко, который пригласил меня в ИТРовскую столовую, взял два обеда, вытаскивает поллитра, наливает. Я стал говорить, что мне на дежурство в ночь. Он сказал, что это не важно, от этой не будешь пьян и подбил меня. Выпили мы поллитра и я почувствовал себя пьяным через мою слабость. Я купил еще литр и свалился с ног. Я сам виноват, даю слово, что такого больше не повторится».* [4, л. 130]. Причем такие случаи были не единичными. А действовавшие в то время товарищеско-производственные суды, которые занимались такими кадрами, рассматривали дело обычно только через 1-1,5 месяца и выносили или «порицание» или взятие «на поруки». После принятия постановления они стали их рассматривать через 3-4 дня.

Конечно, можно говорить о заидеологизированности и негибкости той административной системы, ее «бесчеловечности» (начальник цеха московской швейной фабрики «Большевичка» дал своей работнице на заключение брака четыре дня и это было отмечено коллегией НКТ РСФСР как негативное действие), но если вспомнить сталинские слова, сказанные им в 1929 г. о том, что мы отстали от европейских стран на 50-100 лет и мы должны или пробежать это расстояние за десять лет или нас сомнут, то такое постановление, несмотря на его «антидемократичность» и «нарушение прав человека» было и своевременным и эффективным. В результате, прогулы и опоздания резко пошли на убыль. Люди просто стали приходить на работу раньше и не прогуливать.

Так, коллегия НКТ РСФСР в своем постановлении от 2 января 1933 г. отмечала, что по фабрике «Большевичка» треста Москвашвей число самовольных прогулов снизилось почти втрое: в ноябре 1932 г. – 614 человеко-дней, а в декабре 1932 г. – 226 человеко-дней; по фабрике «Возрождение» того же треста: с 16 октября по 15 ноября 1932 г. число про-

гульщиков – 167, с 16 ноября по 15 декабря 1932 г. – 56, а за декаду с 16 декабря по 25 декабря 1932 г. – всего 5; по заводу им. Орджоникидзе с 1 по 15 ноября 1932 г. – 146 прогульщиков, с 16 по 30 ноября 1932 г. – 53, с 1 по 15 декабря 1932 г. – 22; по 1-му Часовому заводу в октябре 1932 г. – 54 прогульщика, в ноябре – 32, а с 1 по 15 декабря 1932 г. – 19; по фабрике «Парижская коммуна» в первой половине ноября 1932 г. – 733 прогульщика, во второй половине ноября 1932 г. – 223, в первой половине декабря 1932 г. – 136. [5, л. 24, 20, 17, 13, 11].

Аналогичная картина наблюдалась и в Северокавказском регионе. В постановлении Северо-Кавказского крайисполкома по докладу Крайтруда (февраль 1933 г.) указывались следующие цифры: по обувной фабрике им. Микояна в ноябре 1932 г. – 432 прогула, в декабре 1932 г. – 210, в январе 1933 г. – 99, в первой половине февраля 1933 г. – 40; по промыслам Грознефти в ноябре 1932 г. – 71 прогульщик, в декабре – 64, в январе 1933 г. – 36 [6, л. 3].

На наш взгляд, в 1930-е гг. такой поход к укреплению трудовой дисциплины и повышению эффективности производства был и оправданным и результативным. В то время страна модернизировалась в условиях «сжатого времени» (вспомним вновь сталинское «или мы ликвидируем это отставание за 10-20 лет, или нас сомнут»), в условиях мобилизационной экономики, непрерывного промышленного производства, трагической, но по своей исторической перспективе, безусловно правильной коллективизации сельского хозяйства (если бы не были созданы колхозы, победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна – 237 тыс. колхозов, в которых накануне войны трудились почти 100 млн чел., поставляли свою продукцию по твердым ценам, которые были в 10-12 раз ниже рыночных), создания принципиально новой, заточенной под формирование человека-творца, а не профессионала-потребителя системе высшего и специального образования (в начале 1930-х гг. ЦК ВКП(б) и СНК СССР был принят ряд постановлений по высшей и средней специальной школе, которые по своей сути отвечали задаче ликвидации отставания. Кстати, одно из них «Об улучшении использования молодых специалистов» от 15 сентября 1933 г. было таким же жестким, как и вышеназванные постановления о трудовой дисциплине. По нему, окончившие вузы и техникумы молодые специалисты обязаны были проработать в течение 5 лет по указанию наркоматов на производстве, а самим наркоматам и учреждениям запрещалось оставлять на работе в управленческом аппарате молодых специалистов. Все

молодые специалисты должны были обязательно пройти школу низшего административно-технического персонала непосредственно на производстве в цехах, на участках, депо, станциях, совхозах, колхозах, врачебных пунктах и т.п. Всякое самовольное устройство на работу после окончания вуза, техникума и неприбытие к месту работы по распределению рассматривалось как нарушение закона и каралось судебной ответственностью [7].

В условиях «либеральных ценностей» современного российского общества это может трактоваться как самое настоящее крепостное право, в условиях, когда набирала силу и обладала реальной властью советская бюрократия, парализовавшая, либо доводившая до абсурда любое начинание, в условиях, когда шла непрекращающаяся борьба за власть в Кремле, когда на территории Советского Союза работали десятки спецслужб, враждебно настроенных государств, и самое главное, в условиях, когда отсутствовала ориентация на построение «колбасного социализма», хотя повышению благосостояния при тех технических и промышленно-производственных условиях уделялось постоянное внимание. Кстати, если говорить о последнем, то во второй половине 1930-х гг., и особенно накануне войны, вопросы соцобеспечения и благосостояния отошли на второй план. Стало гораздо меньше производиться и продаваться фотоаппаратов, часов, швейных машин, велосипедов. А главным в производственных планах становились авиадвигатели, танки, истребители, бомбардировщики, пушки.

В 1931 г. СССР ввез треть, а в 1932 г. – половину мирового экспорта машин и оборудования и стремительно обновил всю промышленную базу. А параллельно строившиеся 9000 заводов, фабрик, шахт, электростанций стали давать собственную продукцию. К концу второй пятилетки каждый второй работающий станок был уже отечественным и новым, а невиданный ежегодный прирост произ-

водства – 17,2 % позволил выйти по объему промышленной продукции на второе место в мире после США. И самое главное – страна стала экономически полностью независимой (к 1937 г. удельный вес импортной продукции не превышал 0,7 %). Это была модернизация по существу и конкретно.

Но действительно, история повторяется дважды, и во второй раз повторяется в виде фарса. Спустя полвека, в 1980-е гг., в андроповское время (Генеральный Секретарь ЦК КПСС 1982-1984 гг. Андропов Ю.В.) такой метод попытались повторить (в рабочее время вылавливали находившихся в кинотеатрах, в парках и других местах отдыха людей и тех, кто не имел оправдательных документов, организовано, на автобусах отправляли на сельхозработы), но кроме озлобления и последующего издевательского признания подобный подход другой памяти не оставил.

На современном этапе перед Россией стоит задача создания прочного промышленного, научно-технического и идеологического фундамента, который бы обеспечивал стратегию *развития*, а точнее *устойчивого роста*. Именно *развития и устойчивого роста*, а не «восстановления», «укрепления», «усиления», «увеличения». К тому же ныне отчетливо видно, что отношение к России складывается недружественное, и даже уничижительное. Цель западной политики встроить Россию в чуждую систему ценностей и ценностных ориентаций, которые должны отражать, прежде всего, иные национальные интересы (западные), политические, идеологические стандарты и правила. Это стандарты и правила общества потребления, которым Россия никогда не была, да и не может быть, исходя из своего природно-климатического и социального ресурса. И внимательное изучение советского этапа отечественной истории, особенно 1930-х гг. «с любовью, но не взахлеб», позволит правильно расставить аксиологические акценты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный Архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р. 2287. Оп. 1. Д. 3741.
2. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 3731.
3. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 3741., Д. 3731.
4. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 4402.
5. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 3731.
6. Там же. Л. 3.
7. Красное Знамя. 1933. 21 сент.